

Вячеслав Коветков

«Откройте свои уши и мозги для тех вещей, смысл которых вам пока что кажется непонятным».

В Московском международном Доме музыки состоялись концерты

Филипа ГЛАССА,

одного из крестных отцов минимализма. Перед приездом в Россию композитор беседовал с обозревателем «МН» Юрием ВАСИЛЬЕВЫМ

«В КАФЕ Я БОЛЬШЕ НЕ ИГРАЮ»

«Один приятель дал мне послушать диск Гласса. Я слушал пять часов, пока не понял, что пластинку заело». Нехитрая шутка неплохо отражает и минимализм в музыке — направление, собственно, давшее миру композитора Филипа Гласса, — и тягу самого Гласса к монументальным концепциям: пять-шесть часов звучания для него не предел.

Правда, проект «Коянискацци» (в переводе с языка индейского племени хопи — «жизнь вне равновесия»), выбранный композитором для европейского тура — экспериментальный фильм Годфри Реджио, для которого Гласс написал музыку, — отличается довольно скромными по глассовским меркам объемами.

— Филип, почему вы выбрали именно «Коянискацци»? По меркам кино и музыкального бизнеса это довольно «пожилой» проект, ему более двадцати лет.

— Это правда. Однако сам фильм сегодня — актуальнее некуда: он — о нашей увлеченности, подчас чрезмерной, различными технологиями и о том, как сохранить Землю от их разрушительного воздействия. Двадцать лет назад «Коянискацци» был своего рода альтернативным проектом...

— В том смысле, что тогда его мало кто видел?

— Скорее, мало кто понял. Сегодня же люди, посмотрев «Коянискацци» на недавно вышедшем DVD, спрашивают: «Это что, новый фильм?» Поэтому я везу в Москву именно этот проект — сам фильм, сопровождаемый живым исполнением саундтрека. К тому же музыка к «Коянискацци» — просто одна из моих самых любимых вещей наряду с операми «Эйнштейн на пляже» и «Сатьяграха».

— Когда в середине 70-х «Эйнштейн» был поставлен на Бродвее, вы работали таксистом и иногда даже подвозили пассажиров на представления этой пятчасовой оперы. Как вам удалось стать одним из немногих композиторов, зарабатывающих на жизнь своей музыкой?

— Я не мог зарабатывать только композицией довольно долго. У меня была возможность преподавать. Но я отказался, полагая, что учительство поставит предел моей свободе, развитию моей карьеры композитора и исполнителя. Последнее и кормило меня лет двадцать пять. Я не отказывался ни от какой работы, играл и в парках, и в кафе. Только в конце 70-х для меня открылись большие концертные залы; и вот тогда я окончательно убедился, что мой выбор верен.

— Сейчас сыграли бы в кафе?

— Нет уж, этому не бывать: только нормальные концерты. Самое лучшее для композитора — возможность лично представлять свою музыку. Не важно, в каком качестве — пианиста, флейтиста (первое музыкальное образование Филип Гласс получил по классу флейты. — «МН») либо в составе Philip Glass Ensemble, в котором играют еще несколько клавишников. В любом случае место автора музыки — перед ее слушателями.

— Многие композиторы — еще и дирижеры, особенно когда речь идет о премьере их сочинений. У вас как с дирижированием?

— Никак. Во-первых, быть дирижером — слишком большая ответственность. Отсюда — во-вторых: у меня нет на это времени. Вот играть свои вещи самому — это пожалуйста.

— В конце 60-х в Париже вы одновременно учились у представителей двух музыкальных культур — западной академической и классической индийской, соответственно у Нади Буланже и Рави Шанкара. От какой из них вы взяли больше?

— На самом деле у каждого я взял то, что они давали мне. А чего оказалось больше, чего меньше — трудно сказать... Та же Надя Буланже ставила перед своими студентами-композиторами совершенно фантастические задачи. Например, ты приходишь к ней в класс и видишь на пианино одну нотную строчку — не верхний голос и не бас, а какой-то из средних голосов. По ней тебе и пяти-семи твоим коллегам предстоит, ис-

пользуя знания в области классической гармонии, воспроизвести произведение целиком, включая мелодию. Причем учтите, что госпожа Буланже выбирала такую музыку, которую узнать было невозможно — в самом деле, многие ли в курсе, как звучит один из средних голосов в медленной части Третьей скрипичной сонаты Бетховена? Особенно когда тебе никто не сообщает, что это Бетховен: перед тобой одна безымянная строчка — и все...

— Вам эта реконструкция удавалась?

— Совокупными усилиями, сопровождаемыми молями и язвительными комментариями мадемуазель Буланже, — часа за три. Невероятно, но факт. Эти занятия назывались у нас «черными четвергами»: после них мы всей группой сваливались в близлежащее кафе и, совершенно измочаленные, пили эспрессо или пиво, не говоря друг другу ни слова. До следующего «черного четверга», для которого мадемуазель Буланже придумает что-нибудь не менее занимательное. Два года в ее классе — не слабая закалка, согласитесь.

— А у Шанкара сколько вы учились?

— Я бы сказал, учусь: более тридцати лет — практически всю мою композиторскую жизнь. Мы виделись последний раз вчера, у него был концерт в Нью-Йорке. Сейчас вместе пишем новую композицию. Его подход к музыке очень человечен — наверное, потому, что он сам очень открытый и дружелюбный человек. Шанкар не строит из себя этакую звезду, которой не о чем говорить с людьми. И в конце концов его музыку мне просто нравится слушать.

— А еще какую?

— Люблю слушать других людей, работающих в индийской классической традиции, китайскую музыку... Вообще все, из чего растет сегодняшняя world music. Русскую, правда, знаю не очень хорошо. Когда я учился в Джульярде, у меня был русский коллега — он немного познакомил меня с музыкой Римского-Корсакова и

Вячеслав Коветков

Репетиция оркестра (почти по Феллини)

его композиторской традицией. Надеюсь, в России мне удастся поближе познакомиться с вашей музыкой.

— Часто говорят о том, что в современной «серьезной музыке» количество вариантов для комбинирования нот и ритмов стремительно сокращается. Отсюда — отсутствие новых идей и закат академической традиции. Вы согласны с такими оценками?

— Я бы так не сказал. Глядя на молодых композиторов, с которыми время от времени пересекаюсь, я вижу, что дела наши не столь безнадежны, как кому-то кажется. Эти люди умны и смелы, включают в свою музыку элементы музыкальных культур всех континентов, интересно работают с импровизацией, с элементами поп-музыки, кое-кто идет и по моим стопам... Нет, попадают по-настоящему талантливые и непохожие друг на друга ребята. Так что с закатом повременим.

— Вы сами сотрудничали с представителями поп-традиции. С кем

из них вам понравилось работать более всего?

— Пожалуй, с Брайаном Ино и Дэвидом Боуи, чьи альбомы «Low» и «Heros» я переделал в симфонии. Это был интересный опыт.

— Многие считают минимализм разновидностью музыкального надувательства — подобно тому, как долгое время в качестве живописи не воспринимался «Черный квадрат» Малевича. Что вы можете сказать таким людям кроме того, что уже сказано в вашей музыке?

— Музыка не обязана нравиться всем. Другой вопрос, что с таким подходом люди могут оставить за границами своих интересов что-то действительно толковое. Так что только одно пожелание: в буквальном смысле откройте свои уши и мозги для тех вещей, смысл которых вам пока что кажется непонятным или чуждым. Есть шанс, что в результате они окажутся не столь плохими.